

Чжао Баи молча наблюдал за этой сценкой. Его тёмные глаза внимательно следили за присутствующими, а мысли лихорадочно сменяли одна другую — он пытался сопоставить факты.

— Тебе больше нечего сказать?

Сунь Дунлинь, точно заправский детектив, выставил вперед указательный палец и ткнул им в сторону «подозреваемого», будто дело уже было полностью раскрыто.

Ли Дун зыркнул на него с горечью и злостью. Понимая, что в глазах сослуживцев он уже стал паршивой овцой, парень не посчитал нужным оправдываться. Он лишь резко натянул на себя одеяло и бросил напоследок:

— Да идите вы к черту! Не брал я ничего. Если думаете на меня — валяйте, стучите командиру отделения, пусть меня вышвырнут из части. Моя совесть чиста. Хотите верьте, хотите нет, но я, Ли Дун, говорю вам: я этого не делал!

С этими словами он с головой завернулся в одеяло. Но Сунь Дунлинь не унимался:

— Ишь как запел! Рыльце-то в пушку, да? Гляньте на него, мужики! Из-за одной паршивой овцы теперь всё отделение огребают!

Чжао Баи с усмешкой посмотрел на Сунь Дунлиня. Ему вдруг вспомнились домашние тибетские мастифы: если уж вцепятся в кого мертвой хваткой, ни за что не отпустят. Прямо вылитый Сунь Дунлинь сейчас.

Зевая, Баи думал, что всё это чертовски смахивает на дешевый балаган. Аргументы Сунь Дунлиня звучали складно, но в последних словах Ли Дуна чувствовалась искренность — разве что этот гад был актером погорелого театра с великим талантом. И всё же в эту версию верилось с трудом. Ли Дун хоть и был парнем заносчивым и вспыльчивым, но действовал всегда напролом и открыто. На подлую крысиную подставу это никак не походило. Ли Дун на такое попросту не способен.

Да и Ван Эрмао врагов нажить не успел. Честно говоря, спасибо надо сказать, если его самого никто не трогал — куда этому деревянному чурбану кому-то дорогу переходить? Смех один.

Вот эта нестыковка и не давала Чжао Баи покоя.

Только он поднялся, чтобы вернуться на свою койку, как почувствовал на себе чей-то взгляд. Чжао Баи обернулся и столкнулся глазами с Юань Бинхуа. Тот лишь беспомощно ухмыльнулся — похоже, мысли у них сошлись один в один. Баи дружески улыбнулся помощнику командира отделения в ответ.

Сунь Дунлинь всё не затыкался. Юань Бинхуа взглянул на настенные часы, громко хлопнул в

ладоши и, как и подобает помкому отделения, скомандовал:

— Так, хорош шуметь! Время позднее, все разборки оставляем на завтра. Скоро отбой. Никому ведь не хочется на таком морозе круги вокруг плаца нарезать или на тумбочке лишние часы торчать?

Раз уж вмешался заместитель командира отделения, спорить никто не решился. Солдаты без лишних слов разошлись по своим койкам. Сунь Дунлинь недовольно скривился, буркнул что-то под нос и поплелся в умывальник отмывать свои грязные пятки.

Спустя пару дней по казарме поползли новые слухи. Поговаривали, будто кто-то донес Ван Ану, что лично видел спину воришки, а кое-кто уверял, что командир отделения уже взял след и вот-вот прижмет крысу к ногтю.

Сплетни ширились со скоростью пожара. К исходу недели в четвертом отделении только и шептались о том, что командиру отделения уже всё известно. Атмосфера накалилась: одни трусливо поджимали хвосты, другие, напротив, ждали развязки с азартом, предвкушая, как с невинно обвиненных снимут подозрения. Масла в огонь подливал Сунь Дунлинь, который за последние два дня умудрился вычислить очередного «подозреваемого», из-за чего дергаться начали абсолютно все.

После отбоя Чжао Баи лежал с закрытыми глазами и заново прокручивал в голове события последних дней. Он пытался состыковать детали: чужие реакции, мимику, зацепки, мотивы... Пазл упорно не складывался. Настоящий вор словно сквозь землю провалился. Баи думал об этом до глубокой ночи, пока его наконец не начал смаривать сон. И в самый этот зыбкий момент предсонного забытья до его слуха донесся едва различимый шорох — кто-то тихо сползал с койки.

Приоткрыв глаза, Баи сквозь лунный свет взгляделся в крадущуюся фигуру. Это был Чжан Дадань. Фамилия его, означавшая «Храбрец», звучала как издевка — трусливее парня было не сыскать. Тихий, забитый, он вечно жался по углам, точно девица на выданье. Дадань был родом из той же деревни, что и Ван Эрмао, но, как рассказывал Эрмао, их отцы враждовали всю жизнь, поэтому и сыновья после призыва в учебку держались особняком и почти не общались.

В первые недели службы они с Ван Эрмао стабильно делили последнее и предпоследнее места в рейтингах успеваемости. Но со временем Эрмао благодаря шефству Чжао Баи по программе «красных пар» сумел выбраться из беспросветных аутсайдеров и подтянулся ближе к середине списка. У Чжан Даданя же в напарниках по взаимопомощи числился У Юн — простодушный и медлительный малый, который сам едва балансировал на троечках. Толку от такого тандема не было никакого, так что Дадань прочно обосновался на самом дне табеля успеваемости четвертого отделения.

Заслышав тихие шаги, Баи вспомнил, как однажды ночью по дороге в уборную застал Даданя в темном тупике коридора — тот в одиночку до седьмого пота отрабатывал строевые приемы. Парень был неказист и тугодумен, но упорства и трудолюбия ему было не занимать. Жаль только, продвигался он черепашьями шагами. Чжао Баи тогда даже проникся к нему

уважением и подумал о том, что если бы не шефство над Ван Эрмао, он бы обязательно помог и этому бедолаге.

«Наверное, опять пошел тренироваться», — лениво подумал Баи.

Но не успел он закрыть глаза, как лунный свет над его головой померк. Баи мгновенно насторожился и едва заметно прищурился. В полумраке он отчетливо увидел, как Чжан Дадань бесшумно скользнул к койке Ван Эрмао и аккуратно просунул что-то под его подушку.

Чжао Баи едва не выдал себя от изумления. Вот тебе и трус! Откуда только дерзость взялась? Да, сейчас все дрыхнут без задних ног, но попадись он на глаза кому-нибудь из парней — те бы подняли такой хай, что посреди ночи уволокли бы паршивца к Ван Ану, перевернув казарму вверх дном.

И все же Баи нутром чуял: Дадань не способен на подлость. Он лихорадочно соображал, стоит ли прямо сейчас схватить его за руку и увести на разговор в коридор или лучше дожждаться утра.

Пока он колебался, его губ вдруг коснулось что-то мягкое.

Сердце Чжао Баи пропустило удар. Лишь чудом обретенная годами выучка помогла ему сдержаться, не подпрыгнуть на койке и не выдать себя с потрохами, но внутри у него все буквально перевернулось от шока.

«Ну и ну, Чжан Дадань... Оказывается, вся твоя смелость просыпается только на любовном фронте...» — мысленно взвыл Баи.

Прикосновение было мимолетным. Гость тут же отстранился, и бледный лунный свет снова упал на лицо Баи. Убедившись, что этот внезапно осмелевший тихоня наконец покинул его спальное место, Чжао Баи смог перевести дух.

«Надо же, меня только что нагло поцеловали. И кто? Этот сопляк...»

<http://bllate.org/book/18247/1764843>